

ЭЛОЙ МОРЕНО
автор бестселлера «Невидимка»

Зеленая гелевая ручка

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44
М79

Eloy Moreno
EL BOLÍGRAFO DE GEL VERDE

© 2009, Eloy Moreno
Penguin Random House Grupo Editorial
Travessera de Gràcia, 47-49, Barcelona 08021, Spain

Морено, Элой.

М79 Зеленая гелевая ручка / Элой Морено ; [перевод с испанского В. Д. Баттиста]. — Москва : Эксмо, 2022. — 400 с.

ISBN 978-5-04-108654-1

Перед вами увлекательный роман о человеке, чья жизнь исчисляется 445 м² и 60 свободными минутами в день, которые остаются у него после работы и домашних обязанностей. И лишь одна потерянная зеленая ручка помогает ему изменить все. Проблемы существуют для того, чтобы человек их преодолевал ради удовольствия, ради того, чтобы ощутить себя живым. Пора перестать сравнивать свою жизнь с той, которую хотелось бы иметь, и начать действовать, а не откладывать на потом.

УДК 821.134.2-31
ББК 84(4Исп)-44

© Баттиста В.Д.,
перевод на русский язык, 2022

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-108654-1

СОДЕРЖАНИЕ

Сокровище	11
Побег	49
Надежда на пробуждение	281
Сейчас	389

Знаете старый анекдот? Две пожилые женщины в пансионате в Кэтскилльских горах. Одна говорит:

— Еда здесь просто отвратительная.

Другая отвечает:

— Да, и к тому же порции такие маленькие!

По существу, я так же воспринимаю жизнь: она полна одиночества, мучений, страданий, несчастий... и слишком быстро заканчивается.

Вуди Аллен, «Энни Холл»

Жизнь — любая — представляет собой череду особых событий, больше напоминающих отдельно стоящие точки. Точки, которые, как бы давно событие ни случилось, остаются нетронутыми в памяти до того самого дня, пока нас не настигает смерть.

Всякий раз, когда мы хотим взглянуть на эти жизненные отметки, достаточно остановиться и подумать о том, что мы успели сделать за свою жизнь или не успели. Тогда последовательность точек, разрозненных в уме, предстанет перед нами созвездием нашего существования.

Обычно это не какие-то выходящие за рамки понимания чрезвычайные происшествия, а довольно простые моменты: незначительные для других, но особенные для нас самих. Первое признание в любви, смерть близкого или любимого человека, день, когда к вам впервые обратились на «вы», неконтролируемая дрожь в ногах после несчастного случая, ночи, проведенные в больнице, и обещания, данные богам, которые потом быстро улетучились из памяти. Первый поцелуй в губы и первый настоящий поцелуй — абсолютно разные вещи, и жуткая ссора с лучшим другом, восход солнца,

Элой Морено

огромнейший шрам на теле, жажда жизни, ночевки в доме дедушки и бабушки, осознание, что кошмар был всего лишь кошмаром. И день, когда вы впервые понимаете, что, как только вы захотите что-то купить, обязательно найдется тот, кто захочет продать.

СОКРОВИЩЕ

Спустя почти две недели напряженной работы, стимулом которой в основном были призрачные мечты, мы надеялись, что наконец-то все закончится. Все прошлое лето мы провели в размышлениях о том, что нам просто необходимо построить дом, где можно было бы укрыться от палящих лучей кастильского солнца — это убежище защитило бы тех, кто, приехав с побережья, так и не смог привыкнуть к зною и засухе.

Мы могли бы подождать, пока день не начнет постепенно уступать место вечеру. Но сейчас, оглядываясь назад, я не знаю, изменило бы это хоть как-то последующие события. Время летело слишком быстро, а в нашем распоряжении был только август.

К работе в тот день мы приступили рано. Едва успев проглотить десерт, мы вскочили из-за стола и буквально одним прыжком преодолели длинный коридор, отделявший маленькую столовую от большой кухни: просторной, с холодильником и встроенной морозильной камерой вверху, с подключенными к газовому баллону духовкой и варочной панелью, с изобилием желтого мрамора, с двумя стульями

с плетеными сиденьями и деревянными спинками и загнанным в самый угол столом, над которым вот уже много лет висел один и тот же календарь: молодая (хотя, может, и не очень) барышня в синем комбинезоне, чью пышную грудь украшало ожерелье из масляных пятен — «Мастерские Гарриго, 1981 год».

За кухонной дверью с занавеской из стеклянных бусин скрывалась вытянутая и довольно узкая галерея. Потребовалось всего четыре шага, чтобы преодолеть ее и оказаться перед крутой лестницей с потрескавшимися ступенями и ржавыми перилами, ведущей напрямик во двор.

Двор не просто большой, а по-настоящему огромный. Прямоугольный ковер из земли с небольшим бассейном и половиной баскетбольной площадки слева и двумя огромными *створками* от ворот вдалеке справа. Там же, справа, на заднем плане был и уголок, где мы трудились уже столько дней.

Тот вечер пятницы — впрочем, как и все остальные дни — казался нам спокойным, будто разморенным августовским зноем. На небе, таком чистом и безоблачном, не было ничего, что могло бы хоть как-то преградить путь солнечным лучам, обжигающим землю, по которой мы ступали. Ветер ни на миллиметр не сдвинул флюгер, который мы прикрепили на верхушку единственного во дворе дерева. Тишина была настолько напряженной, что буквально звенела в ушах.

Мы начали готовиться к очередному тяжелому рабочему дню — последнему, если все пойдет как надо. Тогда мы еще не знали, что он станет последним потому, что все пойдет не так. Мы поставили наши плетеные табуреты рядом с вы-

сокой каменной стеной, под небольшую полосу тени, что с трех часов всегда становилась шире. Мы распределили работу, чтобы снова достать все необходимое: старую красную ручную пилу, которая уже толком-то и не пилила, ящик с инструментами, полный гвоздей, винтов и гаек, два молотка, пожелтевшие плоскогубцы и несколько отверток, которые мы постоянно теряли.

Далее мы приступили к работе, даже не подозревая, что всего через пару часов этот тихий августовский день восстанет против нас.

Наш уголок, где мы встречались каждый день, из обычного закутка для детских игр превратился в самый настоящий тайник фантазий. Это было такое место, где, кроме кирпича, дерева, черепицы и всякого металлолома, можно было спрятать секреты, мысли и разговоры, которыми в те годы мы вряд ли стали бы делиться с кем-то еще.

На протяжении своей жизни я побывал во многих местах — и даже в углах, — но ни в одном из них я так и не смог отыскать того, что осталось там, у нас, много лет назад.

Мы были загнаны в угол с самого начала поджимавшим временем, безмолвно предвещающим конец работы и конец каждому последующему лету, проведенному вместе. Мы пережили дни проектирования, рисования эскизов, укладки кирпичей, тяжелые моменты, связанные с выравниванием стен и спасением дверного проема от заваливания в сторону. Все эти дни, с их минутами и часами, радостями и жаркими спорами, остались давно позади. И вот теперь наступил самый важный день: нам осталось возвести крышу.

Утро той пятницы мы посвятили доскам: из десятков мы отобрали лишь восемь или девять, но этого было достаточно. По четыре на брата — такой был расклад: сначала Тони,

потом я, снова он, а затем опять я. И вот, едва удерживая равновесие на раскачивающейся от каждого прикосновения постройке, мы все разложили по своим местам.

Днем мы приступили к поиску целой черепицы. Это было не просто, почти вся она была побита. Прошло больше часа, прежде чем мы отобрали всего штук двадцать. Каждую мы тщательно протирали тряпкой, приводя тем самым в бешенство облепивших поверхность ухверток, большинство из которых, пускаясь в бегство, заползали прямо на руки.

С хладнокровием хирурга мы разложили черепицу сверху на слабой и плохо закрепленной деревянной конструкции, которая от слишком большой нагрузки могла бы в одночасье рухнуть. В голову даже не пришло собрать крышу под небольшим уклоном, да и большой необходимости в этом не было — летние дожди здесь были большой редкостью.

Было почти пять вечера, когда мы положили последнюю черепицу: работа была завершена.

Тишина. Это была минута ликования, наша награда. Долгое, радостное, понятное только нам двоим молчание, одно из тех воспоминаний, которое никогда не стирается из памяти. Непередаваемое и, в конце концов, громогласное молчание. Между нами была лишь тишина. И это полное отсутствие звуков стало началом конца.

На наш взгляд, постройка была произведением искусства: около двух метров в ширину, метра три в длину и почти два метра в высоту. Все — кирпичи, дерево, черепица — было скреплено между собой лишь мечтами и огромным желанием. Желанием и ничем другим.

Элой Морено

Ни одному из нас не приходило в голову, что легкое дуновение ветерка может заставить эту конструкцию упасть, сложиться как карточный домик. Ни одного из нас не осенило, что все это слишком напоминает домик одного из трех сказочных поросят. Но ведь в двенадцать лет существует так много вещей, которые просто не приходят в голову.

Летние каникулы всегда были особенными хотя бы потому, что они были в разы продолжительней каникул на Рождество и Пасху. Мы почти три месяца не ходили в школу, что казалось нам целой вечностью. Но несмотря на все, несмотря на радость и свободу, которую дарили нам летние каникулы, в этот раз начиная с третьей недели августа они окончательно и бесповоротно взяли совершенно новый для нас курс.

Каникулы в деревне официально начинались в конце июля. Ритуал, связанный с их наступлением, не менялся из года в год: мы вставали спозаранку, завтракали и, окрыленные мечтами и надеждами, неслись, как орда варваров, в коридор, чтобы отец подобно носильщику перетаскал нас всех вместе с вещами по очереди в старый фургон. Через несколько минут машина отправлялась в путь, загруженная под завязку всем, что только может понадобиться семье, планирующей провести целый месяц отпуска в деревне. Многочисленные сумки с едой — консервами, молоком и тем, что может храниться больше недели; различные игрушки, книжки, набитые одеждой чемоданы, где умещались и вещи

с длинными рукавами, и вещи с короткими рукавами, и плавки-купальники, и бесчисленная обувь, и спортивная, и нарядная, и теплая одежда — поди знай, какие сюрпризы тебя поджидают в деревне.

И вот, со всем этим добром, максимально разгоняясь с горы, чтобы как можно проще было потом подниматься в гору, мы мчались вдаль на нашем старом бордовом фургоне за основой для будущего сочинения на тему *«Как я провел это лето»*.

— Долго еще ехать? — осторожно спросил я у мамы, которая постоянно посасывала дольку лимона для облегчения приступов головокружения и тошноты, в то время как моя сестра то и дело просила остановить машину, чтобы выйти в туалет.

— Мы уже проехали двух быков, так что остался только один... Как только его увидишь, значит, мы приехали, — ответила мама, снова скорчив такую гримасу, что мы не могли не рассмеяться.

От нашего дома до деревни — тогда я измерял путешествия на большие расстояния только так — было ровно три быка. Три гигантских и черных быка разбивали линию горизонта где-то там, вдалеке, помогали не сбиться с пути и будто приглашали следовать за ними. Этих быков я высматривал все оставшееся время на бесконечных равнинах, покрытых коричнево-шафрановым ковром и превращающих просторы Ла-Манча в нечто совершенно уникальное. Время от времени мой взор запутывался в выстроившихся вдоль дороги подсолнухах, раскачивающихся под единообразную мелодию какого-то заученного танца, как и большинство людей, которых я знаю. Более ста раз я наблюдал за ними,